

Владимир Одоевский

**Пёстрые сказки с красным
словцом**

Владимир Одоевский

**Пёстрые сказки с
красным словцом**

«Public Domain»

1833

Одоевский В. Ф.

Пёстрые сказки с красным словцом / В. Ф. Одоевский — «Public Domain», 1833

«Почтеннейший читательПрежде всего я долгом считаю признаться вам, милостивый государь, в моей несчастной слабости... Что делать? у всякого свой грех, и надобно быть снисходительным к ближнему; это, как вы знаете, истина неоспоримая; одна из всех истин, которые когда-либо добивались чести угодить роду человеческому; одна, дослужившаяся до аксиомы; одна, по какому-то чуду уцелевшая от набега южных варваров 18 века, как одинокий крест на просторном кладбище. Итак, узнайте мой недостаток, мое злополучие, вечное пятно моей фамилии, как говорила покойная бабушка, – я, почтенный читатель, я из ученых, то есть, к несчастью, не из тех ученых, о которых говорил Паскаль, что они ничего не читают, пишут мало и ползают много, – нет! я просто пустой ученый, то есть знаю все возможные языки: живые, мертвые и полумертвые; знаю все науки, которые преподаются и не преподаются на всех европейских кафедрах; могу спорить о всех предметах, мне известных и неизвестных, а пуще всего люблю себе ломать голову над началом вещей и прочими тому подобными нехлебными предметами...»

Содержание

Предисловие сочинителя	5
Реторга	7
Глава I	7
Глава II	10
Глава III	11
Глава IV	12
Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Одоевский

Пестрые сказки

*Какова история. В иной залетишь за тридевять земель в
тридешатое царство.
Фонвизин в «Недоросле»*

Предисловие сочинителя

Почтеннейший читатель

Прежде всего я долгом считаю признаться вам, милостивый государь, в моей несчастной слабости... Что делать? у всякого свой грех, и надобно быть снисходительным к ближнему; это, как вы знаете, истина неоспоримая; одна из всех истин, которые когда-либо добивались чести угодить роду человеческому; одна, дослужившаяся до аксиомы; одна, по какому-то чуду уцелевшая от набега южных варваров 18 века, как одинокий крест на просторном кладбище. Итак, узнайте мой недостаток, мое злополучие, вечное пятно моей фамилии, как говорила покойная бабушка, – я, почтенный читатель, я из ученых, то есть, к несчастью, не из тех ученых, о которых говорил Паскаль, что они ничего не читают, пишут мало и ползают много, – нет! я просто пустой ученый, то есть знаю все возможные языки: живые, мертвые и полумертвые; знаю все науки, которые преподаются и не преподаются на всех европейских кафедрах; могу спорить о всех предметах, мне известных и неизвестных, а пуще всего люблю себе ломать голову над началом вещей и прочими тому подобными нехлебными предметами.

После сего можете себе представить, какую я жалкую ролю играю в сем свете. Правда, для поправления моей несчастной репутации я стараюсь втираться во все известные дома; не пропускаю ничьих именин, ни рожденья и показываю свою фигуру на балах и раутах; но, к несчастью, я не танцую, не играю ни по пяти, ни по пятидесяти; не мастер ни очищать номера, ни подслушивать городские новости, ни даже говорить об этих предметах; чрез мое посредство нельзя добыть ни места, ни чина, ни выведать какую-нибудь канцелярскую тайну... Когда вы где-нибудь в уголку гостиной встретите маленького человечка, худенького, низенького, в черном фраке, очень чистенького, с приглаженными волосами, у которого на лице написано: «Бога ради оставьте меня в покое», – и который ради сей причины, заложа пальцы по квартирам, кланяется всякому с глубочайшим почтением, старается заговорить то с тем, то с другим или с благоговением рассматривает глубокомысленное выражение на лицах почтенных старцев, сидящих за картами, и с участием спрашивает о выигрыше и проигрыше, словом, всячески старается показать, что он также человек порядочный и ничего дельного на сем свете не делает; который между тем боится протягивать свою руку знакомому, чтобы знакомый в рассеянности не отвернулся, – это я, милостивый государь, я – ваш покорнейший слуга.

Представьте себе мое страдание! Мне, издержавшему всю свою душу на чувства, обремененному многочисленным семейством мыслей, удрученному основательностью своих познаний, – мне очень хочется иногда поблистать ими в обществе; но только что разину рот – явится какой-нибудь молодец с усами, затянутый, перетянутый, и перебьет мою речь замечаниями о состоянии температуры в комнатах или какой почтенный муж привлечет общее внимание рассказом о тех непостижимых обстоятельствах, которые сопровождали проигранный им большой шлем; между тем вечер проходит, и я ухожу домой с запекшимися устами.

В сем затруднительном положении я заблагорассудил обратиться к вам, почтенный читатель, ибо, говоря без лести, я знаю, что вы человек милый и образованный и притом не имеете никакого средства заставить меня замолчать; читайте, не читайте, закройте или раскройте

книгу, а все-таки печатные буквы говорить не перестанут. Итак, волею или неволею слушайте: а если вам рассказ мой понравится, то мне мыслей не занимать стать, я с вами буду говорить до скончания века.

Реторта

Реторта – cornue – retorte – сосуд перегонный; род бутылки с круглым дном в виде груши с длинной шейкою...

Слов. хим. (ч. 3, с. 260)

...Положи амальгаму в круглый стеклянный сосуд; закупорь его и поставь в золу, потом на легкий жар, прибавляя жару, пока сосуд совсем не раскалится, то ты увидишь все цветы, какие только на свете находятся...

Исаак Голланд в книге о «Руке философов» (с. 54)

Глава I Введение

В старину были странные науки, которыми занимались странные люди. Этих людей прежде боялись и уважали; потом жгли и уважали; потом перестали бояться, но все-таки уважали; нам одним пришло в голову и не бояться, и не уважать их. И подлинно, – мы на это имеем полное право! Эти люди занимались – чем вы думаете? они отыскивали для тела такое лекарство, которое бы исцеляло все болезни; для общества такое состояние, в котором бы каждый из членов благоденствовал; для природы – такой язык, которого бы слушался и камень, и птица, и все элементы; они мечтали о вечном мире, о внутреннем ненарушимом спокойствии царств, о высоком смирении духа! Широкое было поле для воображения; оно обхватывало и землю и небо, и жизнь и смерть, и таинство творения и таинство разрушения; оно залетало за тридевять земель в тридесятое царство, и из этого путешествия приносило такие вещи, которые ни больше, ни меньше, как переменяли платье на всем роде человеческом; такие вещи, которые – не знаю, отчего – ныне как будто не встречаются, или все наши открытия разнеслись колесами паровой машины.

Не будем говорить о величественной древности: увы! она посоловела от старости; вы поверите на слово, что она мне известна лучше, нежели адрес-календарь какому-нибудь директору департамента, и что я бы мог легко описанием оной наполнить целую книгу; нет, мы вспомним недавнее.

Знаете ли, милостивый государь, что было время, когда все произведения природы годились только тогда, когда природа их производила; цветы весной, плоды осенью; а зимою – ни цветочка... Не правда ли, что это было очень скучно? Нашелся монах, по имени Алберт; он предвидел, как для нас необходимо будет зимою устилать цветами стены передних и лестниц, и нашел средство помочь этому горю – и нашел его так, между делом, потому что он в это время занимался очень важным предметом: он искал средства сотворять цветы, плоды и прочие произведения природы, не исключая даже и человека.

Было время, когда люди на поединке бесились, выходили из себя, в этом преступном состоянии духа отправлялись на тот свет и без покаяния, дрожа, кусая губы, с шапкою набекрень являлись пред лицо Миноса; монах Бакон положил селитры с углем в тигель, поставил в печь вместе с другими приготовлениями для философского камня и нашел хладнокровный порох, посредством которого вы можете – не сердясь, перекрестившись, помолвившись и в самом спокойном и веселом расположении духа – положить перед собою навзничь своего противника или сами разом протянуться, что не менее производит удовольствия.

Было время, когда не существовало – как бы назвать его? (мы дали этому снадобью такое имя, от которого может пропахнуть моя книга и привлечь внимание какого-нибудь рыцаря Веселого образа, чего мне совсем не хочется) – когда не существовало то – то, без чего бы вам, любезный читатель, нечего было налить на вашу курильницу; старинному шеголю на свой платок и на самого себя; без чего нельзя бы сохранять уродов в Кунсткамере; нечем было бы русскому человеку развеселить свое сердце; словом, то, что новые латинцы и французы назвали *водою жизни*. Вообразите себе, какую переборку должно было произвести в это время открытие Арнольда де Виллановы, когда он пустил по миру алкоголь, собирая в тыкву разные припасы для сотворения человека по своему образу и подобию.

Скажите, кого бы уморила нынешняя медицина, если бы господин Бомбастус Парацельзий не вздумал открыть приготовления минеральных лекарств? Что бы стали читать наши почтенные родители, если бы Брюс не написал своего календаря? Если бы Василий Валентин...

Но, впрочем, это долгая история; всех не переберешь, а только вам наскучишь. Дело в том, что все открытия тех времен производили такое же обширное влияние на человечество, какое бы ныне могло произвести соединение паровой машины с воздушным шаром, – открытие, мимоходом будь сказано, которое поднялось было, да и засело и, словно виноград, не дается нашему веку.

Неужели в самом деле все эти открытия были случайные? Разве автомат Алберта Великого не требовал глубоких механических соображений? Разве *antimonium* Василия Валентина и открытия Парацельзия не предполагают глубоких химических сведений? Разве *Arg magna* Раймонда Луллия могло выйти из головы, не привыкшей к трудным философским исчислениям; разве, разве... Да если бы эти открытия и были случайные, то зачем эти случаи не случаются ныне, когда не сотня монахов, разбросанных по монастырям между дюжиною рукописей и костром инквизиции, а тысячи ученых, окруженных словарями, машинами, на мягких креслах, в крестах, чинах и на хорошем жалованьи, трудятся, пишут, вычисляют, вытягивают, вымеривают природу и беспрестанно сообщают друг другу свои обмерки? Какое из их многочисленных открытий может похвалиться, что оно столько же радости наделало на земном шаре, как открытия Арнольда де Виллановы с компаниею?

А кажется, мы смысленнее наших предков: мы обрезали крылья у воображения; мы составили для всего системы, таблицы; мы назначили предел, за который не должен переходить ум человеческий; мы определили, чем можно и должно заниматься, так что теперь ему уж не нужно терять времени по-пустому и бросаться в страну заблуждений.

Но не в этом ли беда наша? Не оттого ли, что предки наши давали больше воли своему воображению, не оттого ли и мысли их были шире наших и, обхватывая большее пространство в пустыне бесконечного, открывали то, чего нам ввек не открыть в нашем мышинном горизонте.

Правда, нам и некогда; мы занимаемся гораздо важнейшими делами: мы составляем системы для общественного благоденствия, посредством которых целое общество благоденствует, а каждый из членов страдает – словно медик, который бы облепил все тело больного шпанскими мухами и стал его уверять, что от того происходит его внутреннее здоровье; мы составляем статистические таблицы – посредством которых находим, что в одной стороне, с увеличением просвещения, уменьшаются преступления, а в другой увеличиваются, – и в недоумении ломаем голову над этим очень трудным вопросом; составляем рамку нравственной философии для особенного рода существ, которые называются образами без лиц, и стараемся подтянуть под нее все лица с маленькими, средними и большими носами; мы отыскиваем средства, как бы провести целый день, не пропустив себе ни одной мысли в голову, ни одного чувства в сердце; как бы обойтись без любви, без веры, без думанья, не двигаясь с места; словом, без всей этой фланели, от которой неловко, шерстит, беспокоит; мы ищем способа обделать так нашу жизнь, чтобы ее историю приняли на том свете за расходную книгу церковного старосты – [тому свечку, другому свечку] – и должно признаться, что во всем этом

мы довольно успели; а в медицине? мы трудились, трудились – и открыли газы, и, заметьте, в то самое время, когда химик Беккер убил алхимию, – разобрали все металлы и соли по порядку; соединяли, соединяли, разлагали, разлагали; нашли железисто-синеродный потассий, положили его в тигель, расплавили, истолкли в порошок, прилили водохлорной кислоты, пропустили сквозь сухой хлористый кальций и проч. и проч. – сколько работы! – и после всех этих трудов мы добыли наконец прелюбезную жидкость с прекрасным запахом горького миндаля, которую ученые называют водосинеродною кислотою, *acide hydrocyanique*, *acidum borussicum*, а другие *acide prussique*, но которая во всяком случае гасит человека разом, духом – как свечу, опущенную в мефитический воздух; мы даем эту жидкость нашим больным во всяких болезнях и нимало не жалеем, когда больные не выздоравливают...

Этими-то, некогда знаменитыми науками, а именно: астрологическими, хиромантическими, парфеномантическими, онеиромантическими, каббалистическими, магическими и проч. и проч... я задумал, милостивый государь, заниматься, и нахожусь в твердой уверенности, что когда-нибудь сделаю открытие вроде Арнольда Виллановы! – и теперь, хотя я еще недалеко ушел в сих науках, но уж сделал весьма важное наблюдение: я узнал, какую важную роль играет на свете философская калцинация, сублимация и дистилляция.

Я расскажу вам, любезный читатель, если вы до сих пор имели терпение продраться сквозь тернистую стезю моей необъятной учености, – я расскажу вам случившееся со мной происшествие и – поверьте мне – расскажу вам сущую правду, не прибавляя от себя ни одного слова; расскажу вам то, что видел, видел, своими глазами видел...

Глава II

Каким образом сочинитель узнал, от чего в гостиных бывает душно

Я был на бале; бал был прекрасный; пропасть карточных столов, еще больше людей, еще больше свечей, а еще больше конфет и мороженого. На бале было очень весело и живо; все были заняты: музыканты играли, игроки также, дамы искали, девушки не находили кавалеров, кавалеры прятались от дам: одни гонялись за партнерами, другие кочевали из комнаты в комнату; иные сходились в кружок, сообщали друг другу собранные ими замечания о температуре воздуха и расходились; словом, у всякого было свое занятие, а между тем теснота и духота такая, что все были вне себя от восхищения. Я также был занят: к необычайному моему удивлению и радости, от тесноты – или так, по случаю, – мне удалось прижаться к углу какого-то господина, который только что проиграл 12 робертов сряду; и я в утешение принялся рассказывать ему: о походе Наполеона в 1812 году, об убиении Димитрия царевича, о монументе Минину и Пожарскому, и говорил так красноречиво, что у моего слушателя от удовольствия сделались судороги и глаза его невольно стали поворачиваться со стороны на сторону; ободренный успехом, я готов уже был приступить к разбору Несторовой летописи, когда к нам приблизился почтенный старец: высокого роста, полный, но бледный, в синем фраке, с впалыми глазами, с величественным на лице выражением, – приблизился, схватил моего товарища за руку и тихо, таинственным голосом произнес: «Вы играете по пятидесяти?». Едва он произнес эти слова, как и старец в синем фраке, и мой товарищ исчезли, – а я было только завел речь о том, что Нестор списал свою летопись у Григория Арматола... Я обернулся и удивленными глазами спрашивал у окружающих объяснения сего странного происшествия...

«Как вам не совестно было, – сказал мне кто-то, – держать столько времени этого несчастного? Он искал партнера отыгаться, а вы ему целый час мешали...»

Я покраснел от досады, но скоро утешил мое самолюбие, рассудив, что слова таинственного человека были не иное что, как лозунг какого-нибудь тайного общества, к которому, вероятно, принадлежал и мой приятель; признаюсь, что это открытие меня нимало не порадовало, и я, размышляя, как бы мне выпутаться из беды, и задыхаясь от жара, подошел к форточке, которую благодетельный хозяин приказал отворить прямо против растанцовавшихся дам...

К необычайному моему удивлению, из отворенной форточки не шел свежий воздух, а между тем на дворе было 20 градусов мороза, – кто это мог знать лучше меня, меня, который пробежал пешком из Коломны до Невского проспекта в одних башмаках? Я вознамерился разрешить этот вопрос, вытянул шею, заглянул в форточку, смотрю: что за нею светится, – огонь не огонь, зеркало не зеркало; я призвал на помощь все мои кабалистические знания, ну исчислять, расчислять, допытываться – и что же я увидел? за форточкою было выгнутое стекло, которого края, продолжаясь и вверх, и вниз, терялись из глаз; я тотчас догадался, что тут кто-то чудесит над нами; вышел в двери – то же стекло у меня перед глазами; обошел кругом всего дома, высматривал, выглядывал и открыл – что бы вы думали? – что какой-то проказник посадил весь дом, мебели, шандалы, карточные столы и всю почтенную публику, и меня с нею вместе в стеклянную реторту с выгнутым носом! Это мне показалось довольно любопытно. Желая узнать, чем кончится эта проказа, я воспользовался тою минутою, когда кавалеры с дамами задремали в мазурке, вылез в форточку и осторожно спустился – на дно реторты; тут-то я узнал, от чего в гостиной было так душно! проклятый химик подвел под нас лампу и без всякого милосердия дистиллировал почтенную публику!..

Глава III

Что происходило с сочинителем, когда он попался в реторту

Долго я размышлял над сим удивительным явлением, а между тем можете себе представить, почтенный читатель, каково мне было на дне реторты, над самым жаром, – мой новый, прекрасный черный фрак начал сжиматься и слетать с меня пылью; мой чистый, тонкий батистовый галстук покрылся сажею; башмаки прогорели; вся кожа на теле сморщилась, и самого меня так покорило, что я сделался вдвое меньше; наконец, от волос пошел дым; мозг закипел в черепе и ну выскакивать из глаз в виде маленьких пузырьков, которые лопались на воздухе; не стало мне силы терпеть эту калцинацию; возвратиться опять в комнаты уродом было бы слишком обидно для моей чистоплотной репутации; к тому же мне хотелось узнать: зачем дистиллируют почтенную публику? – вот я и решился пробраться к узкому горлу реторты; с трудом я докарабкался до него, уперся ногами и увидел сквозь тонкое стекло – кого вы думаете? Соображая в уме древние предания, я ожидал, что увижу самого господина Луцифера с большими рогами, с длинным хвостом и растянутою харею; или хотя злобного старика, с насмешливою миною, в парике, с кошельком, в сером французском кафтане и в красном плаще; или по крайней мере Мефистофеля в гишпанском костюме; или, наконец, хотя одного из тех любезных молодых людей, которых злодеи французы так хорошо рисуют на виньетках к своим романам, – в модном фраке, с большими бакенбардами, с двойным лорнетом. Нет, милостивые государи, над почтеннейшею публикою потешался – стыд сказать, – потешалось дитя; по нашему говоря, лет пяти; в маленькой курточке; без галстука; с кислую миною, с крошечными рожками и с маленьким, только что показавшимся хвостиком!..

Не обидно ли это?

Уж старые черти не удостоивают и внимания наш 19 век!

Отдают его на потеху чертенятам!

Вот до чего мы дожили с нашей паровою машиною, альманахами, атомистическою химиею, пиявками, благоразумием наших дам, английскою философиєю, общипанными фраками, французскою верою и с уставом благочиния наших гостиных. Досада взяла меня: я решился, призывая на помощь кабалистов всех веков и всего мира, отмстить за наш 19 век, проучить негодного мальчишку и с сим великодушным намерением сквозь узкое горло выскочил из реторты...

Глава IV

Каким образом сочинитель попал в латинский словарь и что он в нем увидел

«Суета, суета все замыслы человеческие», – говорит, – кто, бишь, говорит? – да я говорю, – не в том сила. Уж сколько лет умышляются люди, как бы на сем свете жизнь пожить, а суету в отставку выкинуть; так нет, не дается; ведь, кажется, суета не важный чиновник, а и под него умные люди умеют подкапываться. Живешь, живешь, нарахтишься, нарахтишься, жить – не живешь, смерти не знаешь, умрешь – и что же останется? сказать стыдно. Неужели только? Так эти все прекрасные слова: любовь, добро, ум, все это шутка? Нет, господа, извините; уж если кто ошибся, так скорее люди, нежели кто другой. Дело-то в том, кажется, что люди так же принимаются за жизнь, как я за средство выбраться из реторты: ищем, как бы полегче; ан не тут-то было!..

Едва я показал нос из реторты, как сатаненок стиснул меня в шипцы, которыми обыкновенно энтомологи ловят мошек; потом хватъ меня за уши да и сунь в претолстый латинский словарь – ибо, вероятно, известно почтеннейшему читателю, что с тех пор, как некоторые черти, сидя в беснующихся, ошиблись, разговаривая по-латыни, – Луцифер строго приказал чертям основательно учиться латинскому языку; а черти – словно люди – учиться не учатся, а все-таки носятся с букварями.

Между тем мне было совсем не до латыни; проклятый дьяволенок так меня приплюснул, что во мне все косточки затрещали. Притом вообразите себе: в словаре холодно, темно, пахнет клеем, плеснью, чернилами, юфтью, ниткам режет лицо, бока ломает о типографские буквы; признаюсь, что я призадумался. Долго не знал, что мне делать и что со мною будет, – горе меня взяло: еще никогда на сем свете мне так тесно не приходилось.

К счастью, латинский словарь был переплетен на английский манер, то есть с срезанным задком, – от этого нитки прорвали листы, листы распустились и между ними сделались довольно большие отверстия... вот ведь я знаю, что делаю, когда крепко-накрепко запрещаю переплетчику срезывать задки у моих книг, нет хуже этого переплета – между листов всегда может кто-нибудь прорваться.

Пользуясь невежеством чертей в переплетном деле, я ну поворачиваться со стороны на сторону и головою, словно шилом, увеличивать отверстие между листами, и наконец, к величайшему моему удовольствию, я достиг до того, что мог просунуть в отверстие голову. Едва удалось мне это сделать, как, не теряя бодрости, – ибо, издавна обращаясь с нечистою силою, чертей гораздо меньше боюсь, нежели людей, – я громким голосом закричал сатаненку:

– Молод еще, брат, потешаться над почтенною публикою – еще у тебя ус не пробило...

– Да уж хороша и потеха, – отвечал негодный мальчишка, – в других местах я-таки кое-что набрал, а у вас в гостиных льдины, что ли, сидят? кажется, у вас и светло, и тепло, и пропасть свечей, и пропасть людей, а что ж на поверку? день-деньской вас варишь, варишь, жаришь, жаришь, а много-много что выскочит из реторты – наш же брат чертененок, не вытерпевший вашей скуки. Хоть бы попалась из гостиной какая-нибудь закружившаяся бабочка! и того нет, только и радости, что валит из реторты копотъ да вода, вода да копотъ, – индо тошно стало.

Я оставил без ответа слова дерзкого мальчишки, хотя бы мог отвечать ему сильно и убедительно, и в этом случае – виноват – поступил по чувству эгоизма, которым, вероятно, я заразился в гостиной: я заметил, что сатаненок, по обычаю всех ленивых мальчишек, навертел указкою пропасть дыр на словаре; я тотчас расчел, что мне в них будет гораздо удобнее

пролезть, нежели в отверстие, оставшееся между листами, и тотчас я принялся за работу и ну протираться из страницы в страницу.

Сие многотрудное путешествие, которое можно сравнить разве с путешествиями капитана Парри между льдинами океана, было мне не бесполезно; на дороге я встретился с пауком, мертвым телом, колпаком, Игошею и другими любезными молодыми людьми, которых проклятый бесенок собрал со всех сторон света и заставлял разделять мою участь. Многие из этих господ от долгого пребывания в словаре так облепились словами, что начали превращаться в сказки: иной еще сохранял свой прежний образ; другой совсем превратился в печатную статью; а некоторые из них были ни то ни се: получеловек, полусказка...

Поверив друг другу свои происшествия, мы стали рассуждать о средствах избавиться от нашего заточения; я представил сотоварищам план, весьма благоразумный, а именно: пробираясь сквозь дыры, навешенные указкою, из страницы в страницу, поискать, не найдем ли подобного отверстия и в переплете, сквозь который можно было бы также пробраться тихомолком?

Но представьте себе мой ужас и удивление, когда, пока мы говорили, я почувствовал, что сам начинаю превращаться в сказку: глаза мои обратились в эпиграф, из головы понаделалось несколько глав, туловище сделалось текстом, а ногти и волосы заступили место ошибок против языка и опечаток, необходимой принадлежности ко всякой книге...

К счастью, в это время бал кончился, и гости, разъезжаясь, разбили реторту; сатаненок испугался и, схватя словарь под мышку, побежал помочь своему горю; но второпях выронил несколько листов своей дурно переплетенной книги, а с листами некоторых из своих узников – в числе коих находился и ваш покорный слуга, почтенный читатель!

На чистом воздухе я употребил все известные мне магические способы, необходимые для того, чтобы опять обратиться в человека, – не знаю, до какой степени удалось мне это; но едва я отлепился от бумаги, едва отер с себя типографские чернила, как почувствовал человеческую натуру: схватил оброненных сатаненком моих товарищей, лежавших на земле, и, вместо того, чтобы помочь им, рассчитал, что гораздо для меня будет полезнее свернуть их в комок, запрягать в карман и, наконец – представить их на благорассмотрение почтенного читателя...

Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем

*Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том все село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех.
Рудый Панько в «Вечерах на хуторе»*

По торговым селам Реженского уезда было сделано от земского суда следующее объявление:

«От Реженского земского суда объявляется, что в ведомстве его, на выгонной земле деревни Морковкиной-Наташино тож, 21-го минувшего ноября найдено неизвестно чье мертвое мужеска пола тело, одетое в серый суконный ветхий шинель; в нитяном кушаке, жилете суконном красного и отчасти зеленого цвета, в рубашке красной пестрядинной; на голове картуз из старых пестрядинных тряпич с кожаным козырьком; от роду покойному около 43 лет, росту 2 арш. 10 вершков, волосом светло-рус, лицом бел, гладколиц, глаза серые, бороду бреет, подбородок с проседью, нос велик и несколько на сторону, телосложения слабого. По чему сим объявляется: не окажется ли оному телу бывших родственников или владельца оногo тела; таковые благоволили бы уведомить от себя в село Морковкино-Наташино тож, где и следствие об оном, неизвестно кому принадлежащем теле производится; а если таковых не найдется, то и о том благоволили б уведомить в оное же село Морковкино».

Три недели прошло в ожидании владельцев мертвого тела; никто не являлся, и наконец заседатель с уездным лекарем отправились к помещику села Морковкина в гости; в выморочной избе отвели квартиру приказному Севастьянычу, также прикомандированному на следствие. В той же избе, в заклети, находилось мертвое тело, которое назавтра суд собирался вскрыть и похоронить обыкновенным порядком. Ласковый помещик, для утешения Севастьяныча в его уединении, прислал ему с барского двора гуся с подливой да штоф домашней желудочной настойки.

Уже смеркалось. Севастьяныч, как человек аккуратный, вместо того чтоб, по обыкновению своих собратий, взобраться на полати возле только что истопленной и жарко истопленной печи, рассудил за благо заняться приготовлением бумаг к завтрашнему заседанию, по тому более уважению, что хотя от гуся остались одни кости, но только четверть штофа была опорожнена; он предварительно поправил светильню в железном ночнике, нарочито для подобных случаев хранимом старостою села Морковкина, – и потом из кожаного мешка вытащил старую замасленную тетрадку. Севастьяныч не мог на нее посмотреть без умиления: то были выписки из различных указов, касающихся до земских дел, доставшиеся ему по наследству от батюшки, блаженной памяти подьячего с приписью, – в городе Реженске за ябеды, лихоимство и непристойное поведение отставленного от должности, с таковым, впрочем, пояснением, чтобы его впредь никуда не определять и просьб от него не принимать, – за что он и пользовался уважением всего уезда. Севастьяныч невольно вспоминал, что эта тетрадка была единственный кодекс, которым руководствовался Реженский земский суд в своих действиях; что один Севастьяныч мог быть истолкователем таинственных символов этой Сивилиной книги; что посредством ее магической силы он держал в повиновении и исправника, и заседателей и заставлял всех жителей околотка прибегать к себе за советами и наставлениями; почему он и берег ее как зеницу ока, никому не показывал и вынимал из-под спуда только в случае крайней надобности; с усмешкою он останавливался на тех страницах, где частию рукою его покойного батюшки и частию его собственною были то замазаны, то вновь написаны разные незначачие

частицы, как-то: не, а, и и проч., и естественным образом Севастьянычу приходило на ум: как глупы люди и как умны он и его батюшка.

Между тем он опорожнил вторую четверть штофа и принялся за работу; но пока привычная рука его быстро выгибала крючки на бумаге, его самолюбие, возбужденное видом тетрадки, работало: он вспоминал, сколько раз он перевозил мертвые тела на границу соседнего уезда и тем избавлял своего исправника от излишних хлопот; да и вообще: составить ли определение, справки ли навести, подвести ли законы, войти ли в сношение с просителями, рапортовать ли начальству о невозможности исполнить его предписания, – везде и на все Севастьяныч; с улыбкою вспоминал он об изобретенном им средстве: всякий повальный обыск обращать в любую сторону; он вспоминал, как еще недавно таким невинным способом он спас одного своего приятеля: этот приятель сделал какое-то дельце, за которое он мог бы легко совершить некоторое не совсем приятное путешествие; учинен допрос, наряжен повальный обыск, – но при сем случае Севастьяныч надоумил спросить прежде всех одного грамотного молодца с руки его приятелю; по словам грамотного молодца написали бумагу, которую грамотный молодец, перекрестясь, подписал, а сам Севастьяныч приступил к одному обывателю, к другому, к третьему с вопросом: «И ты тоже, и ты тоже?» – да так скоро начал перебирать их, что, пока обыватели еще чесали за ухом и кланялись, приготовляясь к ответу, – он успел их переспросить всех до последнего, и грамотный молодец снова, за неумением грамоты своих товарищей, подписал, перекрестясь, их единогласное показание. С не меньшим удовольствием вспоминал Севастьяныч, как при случившемся значительном начете на исправника он успел влести в это дело человек до пятидесяти, начет разложить на всю братию, а потом всех и подвести под милостивый манифест. Словом, Севастьяныч видел, что во всех знаменитых делах Реженского земского суда он был единственным виновником, единственным выдумщиком и единственным исполнителем; что без него бы погиб заседатель, погиб исправник, погиб и уездный судья, и уездный предводитель; что им одним держится древняя слава Реженского уезда, – и невольно по душе Севастьяныча пробежало сладкое ощущение собственного достоинства. Правда, издали – как будто из облаков – мелькали ему в глаза сердитые глаза губернатора, допрашивающее лицо секретаря уголовной палаты; но он посмотрел на занесенные метелью окошки; подумал о трехстах верстах, отделяющих его от сего ужасного призрака; для увеличения бодрости выпил третью четверть штофа – и мысли его сделались гораздо веселее: ему представился его веселый реженский домик, нажитый своим умком; бутылки с наливкою на окошке между двумя бальзаминными горшками; шкаф с посудой и между нею в середине на почетном месте хрустальная на фарфоровом блюде перешница; вот идет его полная белолицая Лукерья Петровна; в руках у ней сдобный крупичатый каравай; вот телка, откормленная к Святкам, смотрит на Севастьяныча; большой чайник с самоваром ему кланяется и подвигается к нему; вот теплая лежанка, а возле лежанки перина с камчатным одеялом, а под периною свернутый лоскут пестрядки, а в пестрядке белая холстинка, а в холстинке кожаный книжник, а в книжнике серенькие бумажки; – тут воображение перенесло Севастьяныча в лета его юности: ему представилось его бедное житье-бытье в батюшкином доме; как часто он голодал от матушкиной скупости; как его отдали к дьячку учиться грамоте, – он от души хохотал, вспоминая, как однажды с товарищами забрался к своему учителю в сад за яблоками и напугал дьячка, который принял его за настоящего вора; как за то был высечен и в отместку оскорбил своего учителя в самую Страстную пятницу, потом представлялось ему: как наконец он обогнал всех своих сверстников и достиг до того, что читал Апостол в приходской церкви, начиная самым густым басом и кончая самым тоненьким голоском, на удивление всему городу; как исправник, заметив, что в ребенке будет прок, приписал его к земскому суду; как он начал входить в ум; оженился с своею дражайшею Лукерьей Петровной; получил чин губернского регистратора, в коем и до днесь пребывает да добра наживает; сердце его растаяло от умиления, и он на радости опорожнил и последнюю четверть обворожительного напитка. Тут при-

шло Севастьянычу в голову, что он не только что в приказе, но хват на все руки: как заслушиваются его, когда он под вечерок, в веселый час, примется рассказывать о Бове Королевиче, о похождениях Ваньки Каина, о путешествии купца Коробейникова в Иерусалим, – неумолкаемые гусли, да и только! – и Севастьяныч начал мечтать: куда бы хорошо было, если бы у него была сила Бовы Королевича и он бы смог кого за руку – у того рука прочь, кого за голову – у того голова прочь; потом захотелось ему посмотреть, что за Кипрский такой остров есть, который, как описывает Коробейников, изобилен деревянным маслом и греческим мылом, где люди ездят на ослах и на верблюдах, и он стал смеяться над тамошними обывателями, которые не могут догадаться запрягать их в сани; тут начались в голове его рассуждения: он нашел, что или в книгах неправду пишут, или вообще греки должны быть народ очень глупый, потому что он сам спрашивал у греков, приезжавших на реженскую ярмарку с мылом и пряниками, и которым, кажется, должно было знать, что в их земле делается, – зачем они взяли город Троя, – как именно пишет Коробейников, – а Царьград уступили туркам, и никакого толку от этого народа не мог добиться: что за Троя такая, греки не могли ему рассказать, говоря, что, вероятно, выстроили и взяли этот город в их отсутствие; пока он занимался этим важным вопросом, пред глазами его проходили: и арабские разбойники, и Гнилое море, и процессия погребения кота, и палаты царя Фараона, внутри все вызолоченные, и птица Строфокамил, вышиною с человека, с утиною головою, с камнем в копыте...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.